

И. В. Савельзон

ГЕРОЙ С. ДОВЛАТОВА МЕЖДУ ОБРАЗОВАННОСТЬЮ И НЕВЕЖЕСТВОМ

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Аннотация. Герой прозы Довлатова находится в постоянном онтологическом «зависании в парадоксе» между частями множества оппозиций личностного свойства. В настоящей работе рассматривается его промежуточное положение между статусами эрудированного и мыслящего человека и человека малообразованного. Материалом исследования послужили проявления сознательного приема, состоящего в введении автором в его тексты, вне зависимости от периодов и жанров творчества, вольных или невольных погрешностей против фактов действительности с целью повышения интеллектуального и духовного статуса героя в восприятии читателя. В исследовании применялись структурно-описательный, описательно-функциональный и интерпретационный методы.

Задачей работы были группировка и классификация многочисленных примеров недостоверных и ошибочных сообщений из текстов С. Довлатова, еще не ставших предметом внимания в довлатоведении.

В ходе работы были сделаны выводы о сознательном формировании автором завышенного представления о герое его прозы как о личности глубоко мыслящего и широко образованного человека, которое далеко не всегда соответствует действительности.

Ключевые слова: *С. Довлатов, магистральный герой С. Довлатова, принцип третьего пути, механизм читательской самоассоциации, культурные знаки, образ мироздания*

I. V. Savelzon

S. DOVLATOV'S CHARACTER BETWEEN EDUCATION AND IGNORANCE

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Abstract. The character of Dovlatov's prose is in constant ontological "hanging in a paradox" between parts of a multitude of personal oppositions. This paper considers his intermediate position between the status of an erudite and thinking person and a poorly educated person. The material of the study was the manifestation of a conscious method, which consists in the introduction by the author into his texts, regardless of the periods and genres of creativity, voluntary or involuntary errors against the facts of reality in order to increase the intellectual and spiritual status of the character in the perception of the reader. The study used structural-descriptive, descriptive-functional and interpretive methods.

The task of the work was to group and classify numerous examples of unreliable and erroneous messages from the texts of S. Dovlatov, which have not yet become the subject of attention in Dovlatov studies.

In the course of the work, the conclusions were drawn about the conscious formation by the author of an overestimated idea of the character in his prose as a person of a deeply thinking and broadly educated person, which does not always correspond to reality.

Keywords: *S. Dovlatov, main character of S. Dovlatov, principle of the third way, self-association of the reader, cultural signs, image of the universe*

Введение. Онтологическая доминанта художественного мира Сергея Довлатова – мучительное ощущение раздвоенности мироздания. В текстах о «советском периоде» жизни магистрального героя невоссоединимо раскололись грубая, грязная действительность – и ее блестящий, но лживый советский образ¹. Закон абсурда не позволяет названным

половинам бытия ни одолеть, ни уничтожить одной другую, но любое их сочетание в художественном мире Довлатова и невозможно, и неизбежно. Мироздание, по Довлатову, едино в своей абсурдности и абсурдно в своем единстве.

Третьей частью мироздания в писаниях Довлатова становится сам герой, вынужденно оказавшийся между половинами бытия и движущийся, сколько силы хватит, по своему, «третьему пути»². Образ человека, ютящегося между двух стихий, част в его текстах:

«В жизни моей, таким образом, царили две противоборствующие стихии. Слева бушевал океан зарождающегося нонконформизма. Справа расстилалась невозмутимая гладь мещанского благополучия.

Так я и брел, спотыкаясь, узкой полоской земли *между*³ этими двумя океанами» («Наши») [7, т. 2, с. 234].

«Жизнь капитана Токаря состояла из мужества и пьянства. Капитан, спотыкаясь, брел узкой полоской земли между этими двумя океанами» («Зона») [7, т. 1, с. 124].

«Позади океан рождения, впереди океан смерти, а наша жизнь лишь узкая полоска суши между ними» («Ослик должен быть худым. Сентиментальный детектив») [13, с. 113].

Герой прозы Довлатова находится в постоянном онтологическом «зависании в парадоксе» [16, с. 110] между частями множества оппозиций личностного свойства: между автором и читателем, правдой и ложью, Собой и Другим, локусом и топосом, прошлым и будущим, действием и созерцанием и т. д. [15].

Одной из коннотаций принципиальной промежуточности бытия магистрального героя является его нахождение между образами простодушного человека, постоянно попадающего впросак при столкновении с правилами советской идеологической игры, и человека широко образованного и глубоко мыслящего. Эта двойная возможность *самоассоциации* читателя с героем есть часть точно выстроенной повествовательной стратегии Сергея Довлатова.

Целью настоящей работы стало выявление и описание устойчивого приема, с помощью которого этот писатель исподволь создает у читающего обманное и нуждающееся в деавтоматизации впечатление о своем герое и, точно так же, о себе самом (именно в этом, подробно разработанном аспекте (см., напр., [2], [3], [4], [6], [8], [9], [10], [11], [12], [14]) разделять их непродуктивно) как о человеке широко образованном и глубоко мыслящем.

Психологическая дистанция между образом героя и личностью читателя в случае Довлатова беспримерно мала, и необходимое условие рецепции художественного текста – самоассоциация читающего с центральным героем – осуществляется на редкость легко и быстро (подробнее см.: [15]). «Вы становитесь им, и это лучшая терапия, которая может быть предложена современнику, не говоря – потомку», – так ощущал довлатовскую прозу И. Бродский [1, с. 5].

Итак, довлатовский текст читатель ощущает как исходящий от самого себя, а следовательно, в его автоматизированном восприятии снимается всякая критичность и бдительность к приводимым культурным знакам из области искусства, литературы, истории, науки и т. п.

Писатель же этим расчетливо – и, как мы собираемся показать, весьма успешно – пользуется: многочисленные авторские сознательные мистификации, а также просчеты, ошибки и домыслы невзыскательный читатель некритически воспринимает не как неудачи, но, напротив, как знаки эрудиции и широты кругозора автора.

Актуальность исследуемой проблемы состоит в необходимости уточнения набора художественных приемов С. Довлатова, используемых для создания в читательском представлении образа магистрального героя его прозы.

Материал и методы исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы: структурно-описательный, описательно-функциональный, интерпретационный.

Результаты исследования и их обсуждение. При поверхностном чтении герой Довлатова кажется образованным человеком, который тяготится непониманием не способного его оценить плебса. Но при внимательном прочтении его образованность оказывается условной, поверхностной, масочной.

Знания или сила ума никогда не играют никакой роли в жизни героя Довлатова «советского» периода – одинаково в «вохре» (повесть «Зона»), в редакции газеты «Советская Эстония» («Компромисс») или на экскурсиях в Пушкинских горах («Заповедник»). Читателю неоднократно демонстрируется незнание героем хитрых правил советской идеологической игры или неспособность постичь их.

Обнажение «незнания». Порою ситуация «незнания» героя подана открыто, положена в основание сюжетного эпизода. Тогда (особенно часто, конечно, в повести «Компромисс») оно манифестирует непринадлежность героя к миру Лжи, мертвенной советской идеологии.

« – Вы перепутали страны народной демократии. У вас ГДР после Венгрии. Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово! Вы работник партийной газеты. Венгрию – на третье место! Там был путч.

– А с Германией была война.

– Не спорьте! Зачем вы спорите?! Это другая Германия, другая! Не понимаю, кто вам доверил?! Политическая близорукость! Нравственный инфантилизм! Будем ставить вопрос...» [7, т. 1, с. 178].

« – И запомните. – Туренок встал, кончая разговор, – младенец должен быть публичкабельным.

– То есть?

– То есть полноценным. Ничего ущербного, мрачного. Никаких кесаревых сечений. Никаких матерей-одиночек. Полный комплект родителей. Здоровый, социально полноценный мальчик.

– Обязательно – мальчик?

– Да, мальчик как-то символичнее» [7, т. 1, с. 196].

Двойная непринадлежность. Иногда герой подчеркивает сразу двойную культурную непринадлежность к половинам бытия, впрямую эксплицируя действие принципа «третьего пути».

«Для Тихомирова я был чересчур изыскан. Для Мау – безнадежно вульгарен. Но против Агнии Францевны у меня было сильное оружие – вежливость. А Тихомирова вежливость настораживала. Он знал, что вежливость маскирует пороки» («Ремесло») [7, т. 2, с. 9].

«Разговоры с Михал Ивановичем требовали чересчур больших усилий. Они напоминали мои университетские беседы с профессором Лихачевым. Только с Лихачевым я пытался выглядеть как можно умнее. А с этим наоборот – как можно доступнее и проще» («Заповедник») [7, т. 1, с. 394].

Однако в итоге у читателя довлатовской прозы возникает устойчивое общее впечатление о ее магистральном, автобиографическом герое (а значит, неизбежно, – и об авторе) как о человеке образованном, начитанном, превосходящем окружающих интеллектуально и нравственно. (Сам Сергей Довлатов, с большой тщательностью создававший образ своего магистрального героя, вероятно, был заинтересован и в доверии читателя к его – опять же и героя, и автора – интеллектуальному облику: так, фраза из письма к издателю в повести «Зона» «слухи о моем интеллектуальном бессилии носят подозрительно упорный характер» [7, т. 1, с. 56] звучит с тревожной иронией.)

Далее мы рассмотрим примеры текстовых фрагментов, создающих это впечатление, попытаемся их классифицировать и увидим, что оно бережно создается автором, но далеко не всегда соответствует действительности.

Самопохвала, вводимая как констатация достоинств героя. Вот описание Нью-Йорка в повести «Ремесло»:

«Его эстетика созвучна железнодорожной катастрофе. Она попирает законы школьной геометрии. Издевается над земным притяжением. *Освежает* в памяти холсты *третьестепенных* кубистов» («Ремесло») [7, т. 2, с. 94].

Катализаторы реакции доверия к тексту здесь – глагол «освежает» и эпитет «третьестепенных». Читатель уверяется в том, что с «перво- и второстепенными» кубистами у героя (и автора) все в порядке, вот только третьестепенных пора уже освежить, давно не было повода вспомнить...

Наборы «умно» звучащих фраз. Расчленять такие многочисленные фрагменты нет ни потребности, ни смысла: каждый из них создан автором как единый и цельный знак. Эти сгустки квазинаучности, громко звучащие, но мало значащие фразы, усеявшие тексты Довлатова, суть подложные свидетельства эрудиции и ума героя.

«Помню, как Лева Баранов, вялый юноша из Тихвина, ударил ногой аспиранта Рыленко, осмелившегося заявить, что *Достоевский сродни экспрессионизму*»;

« – Да, но у Блока полностью отсутствовало чувство юмора, – шумел аспирант. Поэт отвечал:

– Куда важнее то, что *этот маменькин сынок был дико педантичен...*» («Филиал») [7, т. 3, с. 139].

«Потом мы беседовали о литературе. Я мог бы, *не спрашивая*, угадать ее кумиров – Пруст, Голсуорси, Фейхтвангер... Выяснилось, что она любит Пастернака и Цветаеву.

Тогда я сказал, что *Пастернаку не хватало вкуса*. А Цветаева, при всей ее гениальности, была *клинической идиоткой*...

Затем мы перешли на живопись. Я был уверен, что она восхищается импрессионистами. *И не ошибся*.

Тогда я сказал, что *импрессионисты предпочитали минутное – вечному*. Что *лишь у Моне родовые тенденции преобладали над видовыми...*» («Чемодан») [7, т. 2, с. 303].

Катализаторы доверия – собственное утверждение о своей же пронциательности, позволяющей «читать в человеческих душах», а также сама чрезмерность нерасчленимой по смыслу заумности.

Ничем иным, кроме стремления повысить статус героя в глазах читателя, нельзя объяснить массивное перечисление мелких и «высокоинтеллектуальных» тем, подвластных герою:

«А я все говорил. Я говорил, что Лев Толстой по сути дела – *обыватель*. Что *Достоевский сродни постимпрессионизму*⁴. Что *апперцепция у Бальзака – неорганична*. Что Люда Федосеевко сделала аборт. Что *американской прозе не хватает космополитического фермента...*» («Ремесло») [7, т. 2, с. 9].

«Вспоминаю, как я начинал писать для радио. Рецензировал новые книги. Назойливо демонстрировал свою *эрудицию*.

Я употреблял такие слова, как “*философема*”, “*экстраполяция*”, “*релевантный*”. Наконец редактор вызвал меня и говорит:

– *Такие передачи и глушить не обязательно. Все равно их понимают только аспиранты МГУ*» («Филиал») [7, т. 3, с. 6].

Неубедительность этого «знака образованности» с головой выдается наличием у него в «Соло на IBM» вариации-близнеца, дубликата, связанного с именем уже А. Гениса, который в книге «Довлатов и окрестности» эту цитату приводит и осмысляет:

«Довлатов не вел литературоведческих разговоров, терпеть не мог умных слов и охотно издевался над теми, кто их употреблял. Например, надо мной:

“Генис написал передачу для радио “*Либерти*”. Там было множество научных слов – “*аллюзия*”, “*цезура*”, “*консеквентный*”. Редактор сказал Генису:

– Такие передачи и глушить не обязательно. Все равно их понимают лишь доценты МГУ”.

Ничего такого я не помню, а что значит "консеквентный", до сих пор не знаю и знать не хочу» [5, с. 108].

Упрек в незнании того, чего не знает и сам герой. «Мой отец почти рассердился. Еще бы – покинуть сцену в третьем акте! За три минуты до аплодисментов!..

Что я мог сказать ему? Что мы – не сцена, а партер? Что наступил антракт? Что он может тянуться до святого пришествия?..

(Да отец мой, видимо, и не знал, что такое – *святое пришествие...*)» («Наши») [7, т. 2, с. 204].

Отцу простительно – этого не знает вообще никто: понятия и словосочетания «святое пришествие» не существует, только «второе».

Фактическая ошибка, обесмысливающая остроумие. «И помни, уголовное дело – это тебе не брюки с *рантом*. Уголовное дело шьется в пять минут» («Заповедник»).

В действительности *рант* – это наружная часть низа *обуви*, соединяющая верх обуви с подошвой. Майор Беляев (или, скорее, Довлатов), вероятно, имел в виду *кант* – элемент или аксессуар одежды в виде цветного шнура или узкой полоски цветной материи по краю одежды (оторочка) или по шву.

Бесмысленные слова, похожие на латинское выражение: «Я спросил:

– Каков ваш статус, Лена? Проще говоря, каков ваш *социум эр актум?*» («Наши») [7, т. 2, с. 229].

В латыни такой оборот невозможен.

Владение героя и/или автора иностранными языками. Оно имитируется точно так же, как и широта образованности вообще, и исчерпывается сочными, уверенными штрихами: несколькими расхожими словами из эстонского в «Компромиссе» («тере», «курат», «перкеле»), финским приветствием «терве» в «Чемодане», парой не совсем к месту употребляемых древнееврейских речений («малхамовес», «пере одом») и парой колоритных ругательств деда Степана в «Наших», криками солдат-грузин («Шалва! Гиго! Вай мэ! Арунда!...») и непроверяемыми «шершавыми звуками индонезийских междометий» («Кером даш ахнан... Кером ланав») в «Зоне».

«Некто гулял с еврейской теткой по Ленинграду. Тетка приехала из Харькова. Погуляли и вышли к реке.

– Как называется эта река? – спросила тетка.

– Нева.

– Нева? Что вдруг?!» (Соло на ундервуде) [7, т. 3, с. 265].

Выражение «Ма пит’ом?» (букв. «Что вдруг?»), действительно, распространено в еврейском языке, но не в том, на котором могла говорить советская провинциальная еврейка: в иврите. Языком же евреев Центральной и Восточной Европы был идиш, в котором такого речения нет. Видимо, Довлатов смоделировал этот эпизод из где-то услышанного колоритного «вообще еврейского» речения, не вдавшись в существенные детали.

Такие иноязычные элементы принадлежат к разряду деталей, раскрашивающих мир и композиционно оформляющих свои эпизоды.

Прочитав каждый из таких «условно-интеллигентских» пассажей, читатель на мгновение встает в тупик, не понимая их смысла (Что это вообще значит? Блок – педантичен? Толстой – обыватель? «Фауст» – елизаветинцы? «Социум эр актум» – на каком это языке? Апперцепция у Бальзака – неорганична? Так чему все-таки «сродни» Достоевский – экспрессионизму или постимпрессионизму? Цветаева – клиническая идиотка?), и в первое мгновение тоже хочет воскликнуть: «Что вдруг?» Но в следующий миг, будучи психологическим двойником довлатовского героя, т. е. сознавая не-энциклопедичность своих

познаний, пропускает неясное место и движется по тексту дальше, некритично поставив пишущему новую отметку за «образованность».

Выводы. Итак, Довлатов сумел построить свой оригинальный художественный мир, главная ценность которого – уникальность его структуры, выраженная не в умственных построениях нарратора или персонажей, но в тотальном ощущении необратимо расколотого мироздания, части которого отталкиваются и удерживаются вместе законом абсурда. Расположиться между и над ними дано лишь творцу, писателю, способному объять расколотое мироздание своим художественным взором.

Цель настоящей работы состояла не в каком-либо развенчании или принижении Сергея Довлатова как писателя и личности; объектом нашего внимания вообще являлась не личность писателя, но только его поэтическое мастерство. Напротив, мы описали продуманный и искусный прием, позволивший вкупе с другими создать у читателя представление о магистральном герое (Довлатове, Алиханове, Далматове) как о человеке неукорененном в советском быте и несведущем в советской идеологии, но широко образованном и глубоко мыслящем, и как следствие – психологически приятном и близком для читателя. Однако и при вдумчивом чтении проза Довлатова не теряет своей привлекательности: с учетом разного рода собственных просчетов и ошибок автора (которым он, по-видимому, или не придавал большого значения, или которыми даже, по мнению А. Гениса, дорожил – см. главу «Метафизика ошибки» [5, с. 63–75]), главное достоинство героя, его писательская одаренность, остается при нем.

Образ же героя – простодушного интеллектуала и энциклопедиста – целенаправленно создан писателем и ценой немалых усилий внедрен в восприятие массового читателя. Свойства образа магистрального героя и средства его создания нуждаются в дальнейшей разработке и уточнении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это ощущение в полной силе и свежести войдет и в поэтику «Иностранки» и «Филиала», будучи неизбывной частью мироощущения довлатовского героя, пересехавшего за океан.
2. Подробнее см. в [15]. Настоящая работа во многом основывается на положениях той статьи.
3. Здесь и далее курсив наш – *И. С.*
4. Сравнение с приведенной выше фразой из «Филиала» («Достоевский сродни экспрессионизму») показывает лишь бессодержательность обеих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. О Сереже Довлатове // Звезда. – 1992. – № 2. – С. 4–6.
2. Вайль П. Без Довлатова // Малоизвестный Довлатов : сб. – СПб., 1999. – С. 451–464.
3. Власова Е. А. Автоинтертекстуальный подтекст повести С. Довлатова «Филиал»: трансформация смыслов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 9. – С. 29–32.
4. Высеков П. В. Функции писем в структуре повести С. Довлатова «Зона» // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2006. – Вып. 9. – С. 112–125.
5. Генис А. Довлатов и окрестности. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 342 с.
6. Доброзракова Г. А. Мотив обмана в творчестве С. Довлатова // Вестник Ереванского университета. Русская филология. – 2016. – № 3(6). – С. 18–35.
7. Довлатов С. Собрание сочинений в 3-х томах. – СПб. : Лимбус-Пресс, 1993. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 384 с.; Т. 3. – 384 с.
8. Исаев С. Г. Филиация текста в художественной прозе С. Д. Довлатова (статья первая) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 4. – С. 39–46.
9. Исаев С. Г. Филиация текста в художественной прозе С. Д. Довлатова (статья вторая) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2018. – № 2. – С. 52–58.
10. Карташова Е. П., Бобыкина Е. Н. Образ автора как текстообразующая категория повести С. Довлатова «Зона» // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 364–369.
11. Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: перволичные повествовательные формы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – Ярославль, 2009.

12. Ласточкина Е. В. Авторская позиция и способы ее выражения в повести С. Довлатова «Зона» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2012. – № 2. – С. 34–44.
13. Малоизвестный Довлатов. Сборник. – СПб.: АОЗТ «Журнал "Звезда"», 1999. – 512 с.
14. Поливанов А. С. «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов : Вен. В. Ерофеев, С. Д. Довлатов, Э. В. Лимонов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2010. – 204 с.
15. Савельзон И. В. «Третий путь» Сергея Довлатова // Вопросы литературы. – 2020. – № 6. – С. 221–248.
16. Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. – М., 2008. – 256 с.

Статья поступила в редакцию 06.08.2022

REFERENCES

1. Brodskij I. O Serezhe Dovatove // Zvezda. – 1992. – № 2. – S. 4–6.
2. Vajl' P. Bez Dovatova // Maloizvestnyj Dovatov : sb. – SPb., 1999. – S. 451–464.
3. Vlasova E. A. Avtointertekstual'nyj podtekst povesti S. Dovatova «Filial»: transformacija smyslov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, vyp. 9. – S. 29–32.
4. Vysekov P. V. Funkcii pisem v strukture povesti S. Dovatova «Zona» // Kritika i semiotika. – Novosibirsk, 2006. – Vyp. 9. – S. 112–125.
5. Genis A. Dovatov i okrestnosti. – M. : AST : Redakcija Eleny Shubinoj, 2021. – 342 s.
6. Dobrozrakova G. A. Motiv obmana v tvorcestve S. Dovatova // Vestnik Erevanskogo universiteta. Russkaya filologiya. – 2016. – № 3(6). – S. 18–35.
7. Dovatov S. Sobranie sochinenij v 3-h tomah. – SPb. : Limbus-Press, 1993. – T. 1. – 416 s.; T. 2. – 384 s.; T. 3. – 384 s.
8. Isaev S. G. Filiacija teksta v hudozhestvennoj proze S. D. Dovatova (stat'ya pervaya) // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya : Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2017. – № 4. – S. 39–46.
9. Isaev S. G. Filiacija teksta v hudozhestvennoj proze S. D. Dovatova (stat'ya vtoraya) // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya : Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2018. – № 2. – S. 52–58.
10. Kartashova E. P., Bobykina E. N. Obraz avtora kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya povesti S. Dovatova «Zona» // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – T. 15, № 3. – S. 364–369.
11. Kuchina T. G. Poetika russkoj prozy konca XX – nachala XXI v.: pervolichnye povestvovatel'nye formy : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. – Yaroslavl', 2009.
12. Lastochkina E. V. Avtorskaya poziciya i sposoby ee vyrazheniya v povesti S. Dovatova «Zona» // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2012. – № 2. – S. 34–44.
13. Малоизвестный Довлатов. Сборник. – СПб.: АОЗТ «Журнал "Звезда"», 1999. – 512 с.
14. Поливанов А. С. «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов : Вен. В. Ерофеев, С. Д. Довлатов, Э. В. Лимонов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2010. – 204 с.
15. Savel'zon I. V. «Tretij put'» Sergeya Dovatova // Voprosy literatury. – 2020. – № 6. – S. 221–248.
16. Sal'mon L. Mekhanizmy yumora. O tvorcestve Sergeya Dovatova. – M., 2008. – 256 s.

The article was contributed on August 06, 2022

Сведения об авторе

Савельзон Игорь Вильямович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, журналистики и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6640>, merkaztarbut@mail.ru

Author Information

Savelzon, Igor Vilyamovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature, Journalism and Methods of Teaching Literature, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6640>, merkaztarbut@mail.ru